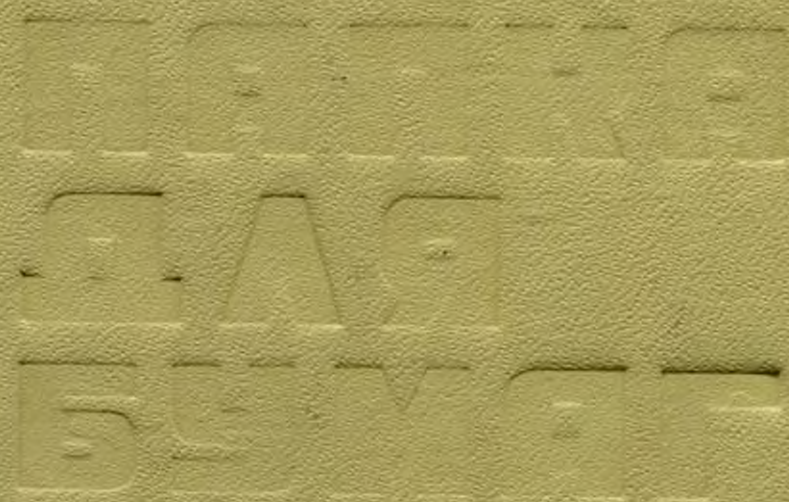

В. М. Жирмунский

Введение в изучение

"МАНАСА"

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ "МАНАСА".

1.

В богатейшей сокровищнице эпического творчества, которой по праву гордятся народы нашего Союза, киргизская эпопея "Манас" занимает выдающееся место. По своим грандиозным масштабам киргизский эпос превосходит все известные нам памятники эпического творчества: в наиболее полной версии сказителя Сагымбая Орозбакова "Манас" насчитывается около 250000 стихов, т. е. в 4 раза больше, чем "Шах-намэ" Фирдоуси и в 40 раз больше, чем "Илиада" Гомера; не меньше по объему продолжения "Манаса", образующие вторую и третью часть эпической трилогии, поэмы "Семетей" и "Сейтек", посвященные сыну и внуку Манаса и записанные полностью от другого крупнейшего киргизского сказителя нашего времени, Саякбая Каралаева.

Для народа безграмотного, каким до Великой Октябрьской революции в огромной своей массе были киргизы, героический эпос является единственной памятью многовековой истории народа, сокровищницей его героических воспоминаний, его мудрости, верований и чаяний, художественным отражением его быта и нравов. Академик В. В. Радлов видит в "Манасе" "поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа".^{1/} Казахский эт-

1/ В. В. Радлов "Образцы народной литературы северных тюркских племен", ч. V /Иог. 1885/, предисловие, стр. XII.

нограф Валиханов, оставивший нам первую запись "Манаса" /1836/, называет киргизскую эпопею "степной Илиадой". "Манас", пишет Валиханов, "есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица - богатыря Манаса". "Образ жизни, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее."^{1/}

Этим объясняется то исключительное место, которое "Манас", как своего рода классическое наследие национального прошлого, занимает в культурном обиходе киргизского народа, подобно поэмам Гомера у древних греков или "Калевале" и сербскому эпосу в новое время. "Можно сказать с уверенностью, что нет ни одного киргиза, который не слышал бы о "Манасе", или не знал бы хоть несколько стихов из "Великого Похода" или из "Поминок Кокетея" или из "Семетей", - так свидетельствует казахский писатель Мухтар Ауэзов, один из наиболее авторитетных современных исследователей и знатоков "Манаса".^{2/}

Как всякое произведение устного народного творчества, героический эпос создается и хранится в живом народном предании благодаря искусству народных сказителей, его творцов и исполнителей. Поэтому для понимания

1/ Соч. Ч.Ч. Валиханова /Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXIX, 1867. 1904/, стр. 71-72.

2/ Мухтар Ауэзов "Киргизский эпос Манас" /Юбилейный сборник КирФАН, печатается/.

"Манаса", как произведения народного поэтического искусства, огромное значение имеет изучение сказителей эпоса.

Сказители "Манаса" носят название "манасчи". Они являются в большинстве случаев певцами профессиональными, однако нередко соединяют исполнение "Манаса" и других эпических песен с более широким репертуаром лирической или народно-обрядовой поэзии.

В противоположность обычному у большинства других, в том числе и у тюркоязычных народов исполнению эпоса, киргизские сказители поют "Манас" без сопровождения каким либо музыкальным инструментом; руки певца во время исполнения эпической песни остаются свободными, сопровождая ее содержанием своеобразной, нередко чрезвычайно изобразительной мимикой.

Текст "Манаса" — целиком стихотворный, в отличие от распространенной в эпосе других среднеазиатских народов смешанной формы, чередующей прозу со стихом. Размер — короткий силлабический стих, 7-ми или 8-ми сложенный, с матрическим ударением на последнем слоге: это, по видимому, древнейшая форма тюркского эпического стиха.^{1/} Господствует конечная рифма, об"единяющая не только стихов подряд в тирады различной длины. Нередка, но не регулярно, встречаются строфы /в четыре или в три стиха/. В отдельных сти-

1/ См. Ф. Кори "Древнейший стих турецких народов" /ЗВО РАО, т. XX, ч. II-III, стр. 139-167 и отдельно, Пбг. 1909/; *Tadeusz Kowalski "Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich"* Краков, 1922 /русское изложение см. А. Линин "К вопросам формального изучения поэзии турецких народов", в Известиях Восточного факультета Азербайджанского Гос. Университета, т. 1, Баку 1926, стр. 139-202/. См. также П. Фалев "Как строится каракиргизская былина" /"Наука и Просвещение", № 1, Ташкент 1922, стр. 21-23/.

ках конечная рифма может отсутствовать, но зато рядом с ней нередко встречается рифма срединная и в особенности начальная, обычно - в форме аллитерация начальных звуков нескольких соседних стихов. Вместе с обильными повторениями и многочисленными случаями синтаксического параллелизма стихов эти разнообразные звуковые повторы сообщают киргизскому эпосу большую звучность и музыкальность.

Способ рифмовки в "Манасе", по сравнению с эпическими песнями других среднеазиатских народов, обнаруживает несомненно весьма архаический характер. В казахском и узбекском эпосе однорифменная тирада также имеет широкое распространение и является, по видимому, по сравнению со строфой, более древней композиционной формой, однако конечная рифма уже сделалась обязательной, начальная аллитерация встречается гораздо реже и является как бы случайным украшением. Киргизский эпос ближе к предполагаемой исходной форме рифмы в тюркских языках. Рифма возникла из ритмико-синтаксического параллелизма соседних стихов, при котором, благодаря созвучности в этих языках грамматически тождественных окончаний /в конце стиха чаще всего - глагольных/, рифмовое созвучие произвольно возникает как в конце стиха, так и в начале и в середине. В "Манасе" конечная рифма еще не канонизирована, начальная с ней конкурирует.

Эти признаки архаической формы, как мы увидим дальше, соответствуют древности происхождения киргизского